



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

День
мертвых тел



МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 День мертвых тел / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-198398-7

Оказавшись по делам в небольшом провинциальном городке, полковник МВД Лев Гуров становится свидетелем уличного фестиваля граффити. Здесь же присутствует и кумир молодежи художник Аджей Полонский, уроженец этих мест. В разгар праздника от одной из стен с граффити отваливается большой кусок штукатурки, под которой обнаруживается замурованный труп мужчины. Позднее под другими картинами Полонского находят еще два тела. Гуров понимает, что сначала надо найти связь между жертвами и именитым художником, а затем можно будет вычислить преступника. Сыщик и не догадывается, что встреча с этим опасным человеком произойдет на удивление скоро...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198398-7

ГЛАВА 1

Тишина бывает разной. Иногда расслабленно блаженной, томной, как утро в деревне, в которой творит кто-то чрезвычайно одаренный, как минимум Пушкин. Когда первая птичья трель, да что там, даже мычание коров, гонимых сонным пастухом на еще покрытые росой луга, не вызывает ничего, кроме мечтательного умиления. Бывает тишина волнующего ожидания, когда и сосет под ложечкой от предвкушения, и готов все на свете отдать, лишь бы отложить грядущее, неизбежное счастье, хоть на миг. Порой тишина наполнена воспоминаниями и мечтами о том, что могло бы сбыться, сбылось или не случится уже никогда.

Тишина, стоявшая в кабинете старшего оперуполномоченного по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России полковника Льва Ивановича Гурова, напоминала затишье перед бурей. Точнее, между двумя бурями. Первая отгремела недавно, и отзвук ее еще на-

полнял опасным электричеством воздух знакомого до самой последней верхней полки помещения. Кабинет Гуров делил со своим другом и сослуживцем, Станиславом Крячко. Делил уютно и предсказуемо, но, как говорится, абсолютно тихо только там, где пусто и никто ничего не делает. Они делали, дружно и споро, в две головы и четыре руки много лет подряд. Бывало, в этом кабинете горел свет по ночам и по выходным, случалось, друзья ели и спали, заработавшись, прямо здесь. Бывало, им выпадали малые островки спокойствия, когда ничего особенно сложного или интересного не происходило, помощь никому не требовалась. И тогда Гурову и Крячко доводилось неспешно заниматься служебной рутинной, и, совсем уже редко — не делать ничего. Именно этот внезапный приступ ничегонеделания со стороны коллеги, а точнее, полное отсутствие у того какого бы то ни было рвения к работе с отчетностью, и стало первым далеким раскатом грома, положившим начало шторму.

Все началось с того, что утром Крячко опоздал, что было для него не свойственно, потому простительно. Но после, почти до самого обеда, вместо того чтобы заняться скучной, необходимой бумажной работой, Стас не слишком старательно имитировал бурную деятельность. Ходил по соседним кабинетам пить кофе, на рабо-

чем месте раскладывал на компьютере пасьянс. С меланхоличным видом наблюдал за тем, как теплый ветер колышет светлые шторы на раскрытом окне, за которым вступившее в свои права лето играет солнечными зайчиками в зеленых кронах тополей.

— Станислав, ты собираешься сегодня работать?

— Я очень занят. Я копирую файл.

Привычное остроумие Крячко на этот раз всерьез разозлило Льва. Перемещение в свой желудок всего печенья в отделе Гуров работой никак не считал. Особенно на фоне того, что единственным изменением в стопке документов, к которым за половину дня Стас так и не притронулся, был крен влево. Дорожившие своей дружкой коллеги ссорились редко. Когда это все же происходило, волю скопившемуся недовольству давали оба.

— На какой стадии завершенности находится твоя документация Тарасову, Станислав? Он звонил сегодня два раза, пока тебя не было. — Гуров старательно держал себя в руках. Больше по привычке, чем по необходимости, за срок службы Гуров и Крячко давно научились читать друг друга, как открытую книгу.

— Да? Странно. Я его видел лично на втором этаже возле кулера. И он ни слова мне не сказал.

Отговорка была настолько липовой, что критики не выдерживала и в оной не нуждалась. Все в отделе прекрасно знали, что от проволочки в делах бумажных хотя бы на час от ожидаемого срока подполковник Тарасов идет красными пятнами от гнева и, от невозможности устроить разнос вышестоящему начальству, приходит за документами лично. Не бегают генералы. В мирное время это вызывает смех, в военное — панику. Петру Николаевичу Орлову, непосредственному начальнику Гурова, в голову бы не пришло так суетиться из-за каких-то бумажек. Не по чину, и для таких дел у него есть секретарша Верочка. Улыбчивая, неумолимая, точная, как скальпель. Если у Верочки, как у золотой медали победителя, и были недостатки, то о них никто не знал. Легенды гласили, что Верочка способна выполнить любое поручение в любое время дня и ночи. Каждый медведь может сунуть лапу в лаву, не каждый может вынуть ее обратно. Если бы Орлов доверил это дело Верочке, она лишь уточнила бы сроки и записалась на маникюр, а вернувшись за пятнадцать минут до оговоренного времени, сказала бы, что все было намного проще, чем она ожидала. Мечтать о такой помощнице, как Верочка, считалось хорошим тоном, и за неимением у этой фантастической женщины слабостей на Международный

женский день растерянные, но признательные сослуживцы преподносили ей исключительно зерновой кофе.

У Тарасова ни генеральского звания, ни Верочки не было. Видимо, от расстройства Тарасов Борис Евгеньевич слыл личностью мелочной и скандальной. Предположить, что после двух дней задержки, встретив полковника Крячко на втором этаже у кулера, Тарасов в вежливой, но едкой форме ему об этом не напомним, было решительно невозможно.

Стас не только ленился, но и отмахивался от напоминаний Гурова, как от назойливой мухи. И грянул гром. Двадцать минут из дверей кабинета доносилось на повышенных тонах что-то вроде:

— Стас, это безответственно, в конце концов! С таким отношением, я не понимаю, как ты дослужился до...

— А ты работать меня не учи! Я тебя когда-нибудь подводил? Сказал, сделаю, значит, будет готово в срок!

— Гибкие у тебя сроки, однако. Мы не похоронное бюро, только там торопиться некуда!

— У кого это прорезалось чувство юмора? На почве неумного трудоголизма, не иначе!

Потом была тишина. Та самая, от которой хочется втянуть голову в плечи и ожидать свистящих мимо пуль. Гуров с головой погрузился

в изучение чужих отчетов, Крячко — в написание своих. Текли часы, в которые напряженное безмолвие нарушали только стук пальцев по клавиатуре и шелест бумажных страниц. Именно в этой тишине мобильный Гурова выдал нежную трель. Звонила Маша, жена. И обычно Лев Иванович разговаривал с супругой при Стасе, но сегодня, будто желая дополнительно наказывать друга за нерадивость, Гуров поднялся и со словами: «Да, Мария. Что ты, нет, не занят. Говорить могу», покинул кабинет.

На улице правда было здорово, и запрета в четырех стенах Крячко оказалось впору пожалеть. Гуров походил туда-сюда вдоль крыльца, держа трубку у уха и чему-то кивая. Потом постоял с ребятами в курилке. Слушал сплетни и свежие анекдоты, приводя мысли в порядок, а услышанное в систему. Интеллигентная, утонченно уравновешенная Мария была взволнована, и, успокаивая супругу, о деле Гуров не думал. Лишь оставшись один на один с полученными фактами, он начал припоминать, о ком именно в их разговоре шла речь. Марии позвонила старая, в переносном и в прямом смысле, лет семидесяти, знакомая, бывшая ее наставница по театру, Капитолина Сергеевна Молотова. Пожилая женщина просила помощи, была расстроена и почти плакала. Маша просила выехать к ней

немедленно. Гуров же, представляя себе среду театра и повадки актеров, предполагал, что пожилой женщине требуется не столько помощь, сколько человек, который участливо выслушает, в психотерапевты же он явно не годился. Не могло быть столько драмы из-за шпаны на лавочке у подъезда. И возле магазина. И на детской площадке. Чем может помочь в такой ситуации полковник УГРО? Упрятать за решетку всех, на кого, по мнению Капитолины Сергеевны, нет Сталина? Так можно половину страны упрятать за нежелание трудиться и тягу к активному отдыху, начиная с Крячко. Прочитать алкоголикам и наркоманам лекцию о почтении к преклонному возрасту? Заставить местного участкового выполнять его обязанности? Это уже ближе к делу. От Маши он слышал о Капитолине Сергеевне прежде. И отзывалась супруга о ней не только как о талантливой актрисе и наставнице, но еще и как о даме высокой внутренней культуры и строгих нравов. Гуров не знал Молотову, но доверял жене. Если Мария говорит, что в помощи нуждается человек серьезный, из тех, кто на пустом месте проблему выдумывать не станет, значит, так оно и есть. Неплохо бы взглянуть на ситуацию на месте. Как говорится, издали и волк овца. К тому же в делах управления наступило затишье, и, кроме бумажной волокиты, заняться

особо нечем. А потому... Когда он, полковник Гуров, в последний раз был в отпуске или хотя бы отгулы брал? И не припомнить.

Подходя к дверям кабинета и вслушиваясь в гудение работающего в поте лица компьютера, Лев глубоко вздохнул, готовясь к новой схватке. На этот раз тишину первым нарушит он.

— Слушай, Стас. У меня две новости, хорошая и очень хорошая. С какой начать?

Крячко недоверчиво поднял глаза от монитора, на котором, для разнообразия, был открыт документ. То, что Гуров прервал молчание первым, было само по себе неплохо. Однако спокойствие, с которым он это сделал, наводило на некоторые сомнения. Станислав проверил, сохранилось ли сделанное. Откинулся на спинку стула, подозрительно сузив глаза.

— Начни с очень хорошей.

— Я возьму отгулы, уеду, и две недели ты меня не увидишь. Сможешь трудиться в комфортном для тебя темпе.

Крячко не повелся на провокацию, тут же сделав стойку на важное:

— На каторгу, в Сибирь? Куда это ты собрался?

— Мария позвонила, попросила помочь с одним делом.

— А что случилось? Знакомые супруги украли Ленина из Мавзолея, одумались, не

знают, как вернуть? Кто-то рангом пониже решить проблему не может?

— Значит, не может. — Гуров уселся за свой стол, педантично собрал папки с делами и отчетами аккуратной стопкой, выровнял края. В голосе Стаса, несмотря на ехидство, вместо обычного для него юмора, желания ругаться вроде больше не звучало. Однако это пока он не слышал первую, хорошую новость. — Там, где живет сейчас ее знакомая, немолодая уже женщина, закрыли наркодиспансер. Старушка жалуется, говорит, беспредел по дворам и прямо на улицах, как в девяностых. Алкоголики спят в песочницах, детишки играют шприцами и битым стеклом. Это для глубинки как раз не странно. Странно то, что местные бездействуют.

— Понятно. То есть ты и их тоже работать научишь? — Станислав с легкой тревогой наблюдал за действиями Гурова. — Куда ехать, что за город?

— Онейск. Слышал о нем что-нибудь?

— Онейск... — повторил Крячко, не отрывая взгляда от стопки папок на столе друга. — А ведь что-то слышал. Праздник там какой-то, что ли. Даже по новостям передавали не так давно, но ты ведь новости культуры не смотришь. Вырос в их богом забытом городке знаменитый не то скульптор, не то поэт. Вернулся на историческую родину, и они это вроде как

празднуют. Не великий повод для гордости, но их соседи и этим похвастаться не могут. Поешь мороженое, полисташь памятные буклеты, напечатанные на заказ местным дворцом культуры. Магнитик мне привезешь. Кстати, к генералу Орлову ходил? Отгулы-то тебе дадут? — съехидничал Стас.

— Дадут, — хмыкнул Гуров, позвонивший своему непосредственному начальству и уточнивший этот момент после беседы с супругой.

— А какая, ты говорил, просто хорошая новость?

Гуров снова встал из-за стола и торжественно, будто бесценный дар, водрузил папки со своими документами на стопку Крячко. Придержал заботливо, чтобы не упали.

— А просто хорошая новость, Стас, в том, что пока меня не будет, ты отточишь свои навыки и поднимешь уровень взаимодействия с бумагами. И все настолько оценят твоё служебное рвение, опыт и мастерство, что, вернувшись, увижу я тебя, вполне возможно, не здесь, а в кабинете Орлова. И сама Верочка станет варить тебе кофе.

«Вот сейчас и поднимется вторая волна, — предсказал про себя Гуров. — Сейчас он скажет, что это эксплуатация, что это выходит за рамки моих полномочий, и он намерен жаловаться на меня в Гаагский трибунал по правам человека».

Однако предсказание не сбылось. Может, лесья сыграла свою роль, может, перспектива обрести в подчинение специального человека, который станет заполнять за него бумажки с таблицами и варить кофе. Стас посмотрел на Гурова, потом на стопку. Потом опять на Гурова. По привычке откинулся на спинку вращающегося стула и вдруг, расслабляясь, закинул руки за голову.

— По рукам.

Ожидая подвоха, Гуров облокотился на его стол.

— Вот так, запросто, договорились?

— Нет, не запросто. — Крячко улыбался. Гуров знал это выражение лица. Каким бы легким в общении ни считали Стаса, он тоже был полковником УГРО. С этой улыбкой он столько сложных дел как орехи расщелкал, сколько мало кому снилось. Гуров видел, что решение принято. И именно это решение сейчас спасло их от продолжения утреннего разговора с новыми аргументами. — После того как ты в Онейске спасешь всех старушек и снимешь с деревьев всех котят, а я совершу трудовой подвиг и вырасту в глазах сослуживцев, с тебя шашлыки.

Конец тирады был настолько неожиданным, что Гуров решил, что ослышался. И решил на всякий случай переспросить:

— Шашлыки?

— Шашлыки, — кивнув, умиротворенно подтвердил Крячко. — Шашлыки на нашей с Натальей даче. В хорошую погоду и с ночевкой. Наши дражайшие половины будут сплетничать и резать салаты, а мы с тобой жарить мясо и пытаться вспомнить, как играть на гитаре. Тряхнем стариной. Наташа давно хотела. А ты, как я погляжу, совсем забыл, что такое лето, отдых. Я и тебе напомним, и жену порадую. Совмещу приятное с полезным. Жду вас с победой, полковник Гуров.

Гуров растерялся, но и обрадовался тоже. Планы были состыкованы, недопонимания устранены. Мир в кабинете восстановлен. Осталось припомнить, когда он действительно в последний раз нормально отдыхал.

В конце дня Лев Иванович написал заявление и был отпущен на все четыре стороны в счет одного из многочисленных не отгулянных отпусков. Покидая отдел кадров и почти вдыхая заслуженную свободу, слышал знакомый перестук каблуков. Гуров обернулся. Грациозная, как набегающая волна, и неумолимая, как фатум. По коридору двигалась Верочка, приветственно улыбаясь встречным. Завидев полковника, она вопросительно подняла брови и остановилась:

— Доброго дня, Лев Иванович. Что это вы тут делаете, осмелюсь полюбопытствовать, не иначе как приболели или собрались в отпуск? Я полагала, что вы помогаете Станиславу с отчетностью для Бориса Евгеньевича. Видела его сегодня в состоянии крайнего раздражения.

Гуров улыбнулся насколько возможно искренне. Ибо знал наверняка, лгать Верочке все равно что пытаться обмануть сканер магнитно-резонансного томографа.

— С отчетом для подполковника Тарасова все в порядке, уверяю вас. Работа ведется. Полным ходом, со всем рвением и самоотдачей. Я же собираюсь в отпуск, Верочка, со здоровьем все в порядке, благодарю. Супруга вызвала, сказала, что нужно помочь, и вот спешу. Исполнить свой долг перед обществом, заодно повидать славный город Онейск.

— Онейск? — железная секретарша протянула название городка слегка нараспев, и в лице ее появилась совершенно чуждая этой женщине мечтательность. С таким выражением обычно произносят названия вроде «Жемчужная Гавань» или «Синий Зурбаган». — Простите за любопытство, а какого же рода дела влекут вас в такую даль?

— Да особенно никакие, — растерялся Гуров. Вовремя вспомнил, что по примеру Крячко

сфабриковать и достаточно четко выдать занятную и забавную версию событий ему не удастся, решил придерживаться прежнего курса и говорить скучную, но правду. — Давняя знакомая Марии пожаловалась, что хулиганы совсем распоясались. А участковый мер не принимает никаких вовсе. Решил побывать, увидеть проблему своими глазами.

— И это... все?

Вопрос, точнее интонация, не игривая, не кокетливая, а неожиданно живая для женщины с чувством юмора гильотины, удивила Гурова. Настолько, что он склонил голову к плечу и, понизив голос, спросил:

— Так точно, все, Верочка. Прошу прощения — я об Онейске не знаю чего-то, о чем знаете вы? Или вы хотите меня о чем-то попросить?

— Ничего особенного, не затрудняйтесь, Лев Иванович, — застенчивая школьница, на мгновение мелькнувшая в глазах Верочки, оказалась мгновенно стерта взмахом прямых, как стрелы, ресниц. — Удачной дороги вам, Лев Иванович. Отдохните там за всех нас, пожалуйста.

Кивнув ему на прощание, она проследовала дальше, оставив его в полном недоумении.

— Я вам магнетик привезу, Вера, — примирительно улыбнулся ей вслед Гуров. Она обернулась через плечо, и снова неясная тень уязви-

мой женственности промелькнула на ее лице. Промелькнула и исчезла.

— Спасибо, я буду ждать.

Решив не ломать голову над тайнами необъяснимого порой поведения женщин, Гуров направился к лестнице.

По дороге домой он размышлял о том, как важно иметь настоящих друзей. Дружбу со Стасом он пронес сквозь года. В обществе друг друга они говорили то, что думают, и с тем же удовольствием молчали, если было желание. Гуров знал, что Крячко посмеется или пошумит, но не подведет. В то же время Молотова Капитолина Сергеевна после всех триумфов, аншлагов и аплодисментов, на старости лет, когда случилась беда, не нашла никого, к кому могла бы обратиться за помощью, кроме бывшей студентки, чей муж, повезло, служит в органах. Одинокая старость, считал Гуров, штука максимально неприятная. Какая разница, сколько у тебя регалий и какие награды тщательно оберегаются от пыли в старом серванте, если некому сходить вечером в магазин или прогнать пьяниц со скамейки у подъезда. Конечно, он поможет, старость нужно уважать. И шашлыки устроит. С ночевкой, как договаривались. Потому что, как сказал бы острослов Крячко, когда ни они с Гуровым, ни Наташа с Марией не смогут разжевать мясо, будет поздно.

По дороге домой Гуров решил пройтись. Ему было о чем поразмыслить, но более всего занимали его слова Стаса о том, что он мало отдыхает. Разве это так? В последнюю их с Крячко командировку они успели покончить с делами раньше запланированного и отлично провели время, осматривая достопримечательности.

Гурову понравились магниты на холодильник с памятными надписями и живописные миниатюры с изображениями горных пейзажей. Сумка же Стаса будто распухла от резных ложек, покрытых лаком рогов и зубов представителей местной фауны. Будто не два оперативника-важняка, а туристы-пенсионеры, ворчал тогда Гуров.

Больше всего возмущал отдельный пакет, у которого постоянно рвались ручки и над которым Станислав трясся, как над возлюбленным дитятей. Хотя, на взгляд Гурова, его содержимое — разнотравные меды в крохотных, ручной работы, туссах и совсем уже сомнительного происхождения травяные настойки с фотографиями таежных хищников на отпечатанных в домашних условиях этикетках — подобного волнения совершенно не стоило. Да и кто таким сувенирам был бы рад? Или это он, Лев